

щими двумя соображениями. Речь всюду идет, во первых, не о практике завтрашнего дня, а о пределе, нами утверждаемой в качестве должной, тенденции. Даваемая нами постановка проблемы не столько политическая, сколько идеологическая. Во вторых. — Мы наше возвеличение государства, как уже отмечено выше, обуславливаем его нарождающимися новыми формами. Таким образом (стилизуя конститутивные определения), можно наметить государство — **охранитель** — полицейское государство, государство — **регулятор** — совр. бурж.-демокр. государство и государство — **Демнург** — будущее новое Конструктивное Государство.

Основным изменением в соотношении признаков старого (охран. рег.) и нового (инициативного) государства можно наметить отмирание признака **властвования**, с его предпосылкой исчезновения социального неравенства и усиления признака строительства — с его предпосылкой мобилизации творческих усилий людей. Государство, т. о. — не отношение власти человека над человеком, а отношение власти человека над средой — природой и историей, государство, как **Техническое Государство**, как рычаг, как аппарат преобразования мира.

Бережной С.

Кто сменит большевиков?

(Материал получен из России; вопросы выдвинуты в дискуссионном порядке. — Редакция).

Кто сменит большевиков?. Этот вопрос за период истории нашей революции еще так не вставал, как он навис над страной теперь. Стоял же он всегда. Но раньше иначе было. До этого он был только абстрактным вопросом. Психологии и настроений низовых широких масс он не определял. Теперь же это конкретный политический вопрос.

Это новое настроение массам передалось сверху. Там же это главнейший вопрос — конечно, в неофициальной интимной мысли. Если массы интересуют сама смена власти, то верхи — беспартийные и партийные — раньше всего интересуются — какая это будет смена? Кто сменит? И тот факт, что над этим вопросом стали вдруг весьма и весьма многие и даже вслух, задумываться, есть симптом важного политического значения.

Когда строй должен уйти, то есть такая историческая минута, когда власть лежит, как брошенная вещь и ее никто не хочет поднимать. — В такую минуту, рождается новый строй. До этого нам, ко-

нечно, еще далеко. Но психологическая тенденция к этому уже определенно наметилась; а за последнее время она даже пошла в ускоренной прогрессии. Факты: Острота фракционной борьбы наверху за последнее время совсем спала; ползучее, но неуклонное снижение партийного баланса (вступлений — выходов); ослабление и даже разрыв токов управления от центра к местам и от мест к центру, а при всем этом попустительство, ведомственное игнорирование распоряжений, уклонение от ответственных решений и т. п. Это наиболее новое обстоятельство упадка воли к власти — характерная психология к тезису установленному выше.

Никогда власть не была так склонна отступать, как теперь. И большевики — мастера отступать. Они умеют, как никто, тормозить процесс, когда это им нужно. Вот и теперь стихийная мысль правящего актива заряжена вопросом, как затормозить события, как отступить так, чтобы избежать полного поражения? В таких объективных и субъективных условиях создаются те, отчасти оппозиционно-партийные, отчасти околопартийные настроения, которые оформляются в сознание необходимости нового ИЭП-а, но теперь уже не хозяйственного, а политического. Кто же контрагент его на этот раз? — Конечно, снова крестьянство.

В свое время выдвинутый лозунг для восточных аграрных стран «двухсоставной рабоче-крестьянской партии» теперь неожиданно приобретает все более широкое распространение у нас самих. И в свете марксистского метода факт этот закономерен и объясним. Он логически вытекает из анализа нашей классовой структуры, так как советская система не только по факту, но и по партийной теории есть двухклассовая рабоче-крестьянская система. И на самом деле.

Революция, сделанная массами рабочих и крестьян, как между Циньлой и Харибдой, все время качалась между этими двумя ведущими классами нашего общества — пролетариатом и крестьянством. Но после каждого нового колебания ее все дальше относил вправо — к крестьянству. Меншевики и теперь еще говорят, что наша революция крестьянская, а не рабочая. Ликвидация троцкистской оппозиции, этого левого противовеса в рабоче-крестьянском равновесии, была решающим этапом в колебании маятника революции; после него сделалось невозможным само это равновесие. Сталин, уничтожив левый рабочий противовес, очутился перед вторым правым крестьянским противовесом. Поставить ставку на него он не мог, как марксист, как ленинец, так как это означало бы ни что иное, как переворот. Вместо этого он попытался и его уничтожить. Коллективизация была ничем иным, как контр-атакой против наступавшего по всему фронту и экономически, и политически, крестьянства. Но уничтожив и тот, и другой противовес, Сталин повис в воздухе. Таково социально-политическое происхождение главного факта текущего положения — совершенной изоляции тепе-

решного партийного руководства. Отрыв от масс — и партийных и беспартийных — полный; а результат — бюрократизация всей жизни.

Диагноз этого для марксистски образованного члена партии или сочувствующего не представляет затруднений. Изнасилованная искусственной политикой экономика, мстит за себя. Нужно, следовательно, привести их в соответствие. А это означает: на базе бисоциальной рабоче-крестьянской страны должна быть установлена эта самая двухсоставная рабоче-крестьянская партия. В рабоче-крестьянской стране, в составе рабоче-крестьянской власти должны быть также две партии, отражающие такое состояние: рабочая и крестьянская. Они и должны в союзе строить новое общество, одна, главным образом, в деревне, другая в городе. Господство же одной рабочей партии есть вызов экономике, которая в подавляющей пропорции — аграрная. Благодаря этому вся история советской власти была неравной войной между политикой и экономикой.

В таком направлении представляется многим исход из того положения, в которое страна зашла. В противном случае, как не раз твердил Ленин, разрыв смычки между городом и деревней приведет к гибели советскую власть, к чему и идет все.

Такая идея особым сочувствием пользуется в низах, ибо чем дальше вниз, тем состав правящего актива все более крестьянский и менее рабочий. Вверху же многие склонны в этой формуле усматривать способ примирения экономики и политики, новый вариант НЭП-а, политический вариант и таким образом, способ отступления, без которого неминуем провал всей системы власти. Такие настроения наверху получают свое оформление в некоторых секторах правой оппозиции, которая, однако, чем дальше вниз, тем в большей мере вся является просто крестьянской оппозицией. Лавирование Сталина между левой и правой оппозицией и есть лавирование между рабочей и крестьянской оппозицией, приведшее его теперь к полной изоляции.

Как должны относиться мы к этим наметившимся большим сдвигам? Для себя лично вместе с другими, я вопрос решил в положительном смысле. Нужно бороться за двухпартийную рабоче-крестьянскую систему, как за этап к рабоче-крестьянской власти с гегемонией крестьянства. Нужно ли идти на контакт с внутрипартийной крестьянской оппозицией, как левая оппозиция шла на контакт с беспартийными рабочими, — я отвечаю: нужно, само собой разумеется, пока в персональном порядке.

Этот тактический вопрос мы выдвигаем для дискуссии.

Если для нас является бесспорным, что рабочую диктатуру, как власть меньшинства, сменит крестьянская демократия — власть большинства, то всегда спорным будет — как такая смена конкретно произойдет. Но наметившиеся теперь сдвиги мне кажется ясно определяют, по крайней мере, общее направление, в котором этот вопрос будет все

время перерешаться. Необходимо зафиксировать это важное изменение.

Но вот другой вопрос, что вкладываясь в эту историческую тенденцию, можно бояться за ее исход, за то, что затраченные усилия приведут к противоположным результатам. Но этого меньше всего нужно бояться.

Сегодняшняя Россия — это народное крестьянское царство. Иной России в сколько нибудь значительных размерах, просто в природе не существует. История же всегда в своем движении из нескольких возможностей избирает ту, в которой проходит линия наибольшей равнодействующей. Но тут и выбор невозможен. Другие классы или дезорганизованы, как пролетариат (да и всего то его 3-4 процента) или уничтожены экономически, и просто физически. Остается ей (истории) волей-неволей идти по крестьянскому проселку. Следовательно, нам достаточно двигать истор. процесс, создавать события, — насчет же направления его мы застрахованы самим объективным положением вещей.

С — н.

Как освободится Россия

Для новой культуры, новых высших форм жизни нужны и новые люди, новый человеческий материал. Если первое в критические переходные эпохи, подобные нашей, является объективной необходимостью, то второе представляет субъективную возможность ее осуществления. Этот новый человеческий материал может быть представлен лишь новым народом, но не в лице тех его незначительных слоев города (в нашем случае — буржуазии и пролетариата), которые сами являются представителями старой культуры, а в лице обычно подавляющего его большинства — крестьянства. Ибо лишь в составе последнего новый народ является действительно новым.

Наш, в частности, русский город представляет собою лишь продолжение, провинцию, отпочкование Западно-Европейской капиталистической цивилизации и как таковой, он может явиться естественным основанием для преемственности сменяющихся культур, но не духовным резервуаром творчества новой высшей культуры. — Всегда, когда кончался один всемирно-исторический цикл существования, история для дальнейшего развития призывала новых людей от земли, «варваров» — юную, целинную, органически мощную стихию, свободную от того разложения и опустошенности старой культуры, воплощением которой является Человек Города. Будучи продуктом упадочного и выродившегося мира, этот последний не может явиться творцом нового мира. Продукт разложения, он не может стать силой преодоления его. Чтобы действительно мог выкристаллизоваться тип нового высшего человека, нужно чтоб был дан и новый, историей неиспользованный, человеческий материал. И этих новых «варваров» теперь не нужно уже и призывать: они вышли уже там в России,